

Сергей Доценко

О литературном генезисе имени героя книги А. Ремизова «Учитель музыки»

В статье рассматривается автобиографический и литературный генезис имени «Корнетов», главного героя книги А. Ремизова «Учитель музыки. Каторжная идиллия». Автор приходит к выводу, что имя «Корнетов» является рефлексом детской мечты Ремизова стать кавалергардом. Одновременно образ кавалергарда становится элементом литературной парадигмы «кавалергард – учитель – разбойник».

Ключевые слова: русская литература, прототип, литературный герой, генезис, А. Ремизов, А. Блок.

С первой страницы, с первой строки любой из ремизовских книг чувствуется, что это, как говорится, настоящее. Но как оно диковинно, это «настоящее», и сколько мыслей возбуждает оно, независимо от непосредственного содержания текста, сколько мыслей о нашей литературе вообще, о ее возможном будущем, о ее прошлом...

Г. Адамович

Главный герой автобиографической книги Ремизова «Учитель музыки» (1934–1949) – Александр Александрович Корнетов. О генезисе этого имени (*Корнетов*) пишет сам автор в гл. «Чинг-Чанг»:

«Прошу не путать никого с Александром Александровичем Корнетовым, ни из его знакомых и приятелей, это я сам. Имя Корнетову дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока, а фамилия «Корнетов» не столько инструментальная по профессии учителя музыки, сколько кавалерийская: заветная мечта Александра Александровича, которую он неоднократно высказывал, – “быть бы мне лихим корнетом, ездить на коне, как у Толстого в «Войне и мире», выделять всякие ухарские штуки!” – фамилия Корнетов дана по контрасту с его небоевым образом жизни» [9: 437]¹.

¹ В примечаниях к «Учителю музыки» сообщается: «Изначально образ Корнетова имеет полигенетический характер. Среди его более прямых реальных прототипов сам автор, в детстве учившийся играть на корнет-а-пистоне <...>» [9: 473]. Добавим, что этот музыкальный духовой инструмент косвенно тоже отсылает к «военной» теме: корнет-а-пистон (франц. cornet a pistons – букв. рожок с клапанами)

Эта ссылка на мечту Блока быть «лихим корнетом» напоминает анекдоты-апокрифы о великих писателях. Однако в воспоминаниях о Блоке действительно можно найти упоминания о его увлечении верховой ездой.

«Он рано выучился ездить верхом, красиво сидел на лошади и ловко и смело ездил. При всей своей любви к лошадям он умел их заставлять себя слушаться. <... > Саша уезжал верхом иногда на целые дни и в этих поездках исколесил все окрестности Шахматова на далекое пространство» [2: 60]².

Но в действительности речь идет скорей не о мечте Блока, а о мечте самого Ремизова. Вспомним его письмо А. Н. Чеботаревской от 23.05.1907 г., в котором Ремизов (на просьбу сообщить о себе биографические сведения) несколько шуточно отвечал:

«Хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чистописания» [цит. по: 3: 447].

А в мемуарной книге «Подстриженными глазами», в которой описаны детские и отроческие годы жизни писателя, есть такое признание Ремизова:

«<... > Мне самому хотелось быть серебряным всадником – таким вот блестящим великаном на коне! И долго потом меня не оставляла эта мечта, и когда меня спрашивали, кем я хочу быть, я неизменно отвечал: “кавалергардом”» [7: 143].

Более чем очевидно, что мечта «стать кавалеристом» (кавалергардом), – это мечта скорей не Блока, а самого Ремизова³. В 1910 г. эта мечта

применялся в военном оркестре, а его разновидность корнет рожок (signalhorn, cor de signal) – в качестве военного рожка для подачи сигналов.

² Мемуары М. А. Бекетовой «Александр Блок и его мать» были опубликованы в 1925 г. (см.: Бекетова 1925), и можно предполагать, что именно они стали источником ремизовского апокрифа о мечте А. Блока стать кавалеристом.

³ В той же книге «Подстриженными глазами» Ремизов вспоминает, что отец его в шутку «и меня и моего брата <... > называл за нашу мелкорослость “гвардейцами” <... >» [7: 142]. Впрочем, в мемуарной книге «Иверень» этот список более длинный и более разнообразный: «Мечтал сделаться певцом, музыкантом, актером, художником, учителем чистописания, парикмахером, пиротехником (пускать потешные огни и волшебные звезды), философом и ученым – и попал в литературу» [7: 270]. Отметим, что само понятие кавалергард может выступать и, скорее всего, выступает как эмблема дворянского, т. е. «благородного», мира. Кавалергарды (от франц. cavalier – всадник и garde – охрана) – особая кавалерийская часть в русской гвардии в XVIII-начале XX вв. Кавалергарды исполняли обязанности телохранителей и почётной стражи во время коронаций и других торжеств. Впервые сформирована в 1724 г. на время коронации Екатерины I из офицеров гвардии. Позже (в 1725–1731 гг. и 1762–1796 гг.) существовали под названием Кавалергардского корпуса. В 1797 г. были расформированы, но в 1799 г. восстановлены как гвардия императора Павла I. В 1800 г. преобразованы в гвардейский кавалерийский полк [5]. Этимологически в самом слове «кавалергард» акцентировано значение: «дворянин», «рыцарь». В качестве примечательного факта отметим, что своего

появляется в размышлениях главного героя повести А. Ремизова «Крестовые сестры» (1910):

«Когда в детстве хотел Маракулин быть к а в а л е р г а р д о м, он молился, чтобы Господь сделал так, помог ему сделаться кавалергардом, а когда хотел быть р а з б о й н и к о м, то в тех же словах молился, лишь с заменой кавалергарда разбойником, и так же точно молился, когда хотел быть у ч и т е л е м ч и с т о п и с а н и я. Это главные были его молитвы о самом себе еще в Москве, в Таганке <...>» [8: 137; везде разрядка А. Ремизова. – С. Д.].

Такое сочетание в ремизовском сознании образов «кавалергарда», «учителя чистописания» и «разбойника» выглядит парадоксальным. Но можно предположить, что это не случайность, а осознанная игра известными литературными и культурными типами.

Прежде всего, все три образа дают своеобразную, но тем не менее логичную социокультурную парадигму. Кавалергард – образ, занимающий высокое и престижное место в социальной иерархии⁴. Разбойник – образ, подразумевающий «положение выключенности из основной социальной иерархии» [6: 116], т. е. выступает как контрастный относительно образа кавалергарда⁵. А образ учителя чистописания в этой социальной парадигме занимает промежуточную позицию, т. к. подразумевает включенность в социальную иерархию, но на ее низшей ступеньке⁶. Не случайно в литературном сознании образ каллиграфа (а учитель чистописания – это именно и прежде всего *каллиграф*), «переписчика» устойчиво ассоциируется с бедным петербургским чиновником (например, гоголевским Башмачкиным). В этой связи знаменательно увлечение Маракулина каллиграфией – искусством переписчика, что явно проецирует ремизовского героя на героя гоголевской «Шинели». Как считает В. Н. Топоров, сама фамилия героя (Маракулин) имеет среди прочего «писарскую» мотивировку [11: 146, 156].

Корнетова Ремизов «поселил» в Петербурге на Кавалергардской ул. [9: 10]. Прототипом же этого адреса была квартира, в которой А. Ремизов жил в Петербурге с августа 1906 г. по июнь 1907 г. (Кавалергардская ул., д. 8, кв. 28).

⁴ Степень высоты подчеркнута невозможностью ее достичь: ни Маракулин, ни его прототип А. М. Ремизов, сын купца 2-й гильдии, стать кавалергардом не мог в принципе (по причине своего сословного происхождения).

⁵ Более подробно об образе разбойника в творчестве А. Ремизова см. [4: 144–159].

⁶ Но парадокс заключается в том, что корнет – первый обер-офицерский чин в кавалерии (до 1917 г.); введен в 1731 г. взамен звания прапорщика и первоначально относился к XIV классу Табели о рангах. Отменен в 1765 г. и восстановлен Павлом I в 1798 г. В результате реформы 1884 г. чин корнета был переведен в XII класс. В то время как переписчик Акакий Башмачкин имеет чин титулярного советника, который относился к IX классу Табели о рангах (и соответствовал чину армейского штабс-капитана). Впрочем, эта оппозиция «высокий» – «низкий» уже нейтрализуется в образе другого каллиграфа – князя Мышкина, в котором уживаются одновременно благородное дворянское происхождение и низкое занятие.

Причем характерно, что каллиграфическое искусство Маракулина, как и Башмачкина, не имеет никакой практической пользы:

«К празднику директору подается отчет, отчет обыкновенно пишется на машине – самый обыкновенный отчет, а вот ему <Маракулину. – С. Д.> почему-то непременно захочется самому переписать и свою рукою <...> и ночи и дни он упорно выводит букву за буквой, строчит ровно, точно бисером ниже, и не раз перепишет, пока не добьется такого отчета, хоть на выставку неси, вот даже какого! – почерком Маракулин славился. Завтра же этот отчет заложат куда-нибудь в бумаги, особого внимания никто не обратит, никому он такой не нужен, а времени и труда затрачено много и без толку» [8: 15–16].

Русская литературная традиция знает образ, одновременно соединяющий все три упомянутые ипостаси. Это – пушкинский Дубровский, который выступает и как гвардейский офицер (он – *корнет* одного из гвардейских полков)⁷, и как разбойник (в романтической его версии), и как учитель-француз.

Трудно сказать, в какой мере Ремизов осознавал эту литературную аналогию. По крайней мере, две роли (корнета и «учителя чистописания») примеряет на себя другой его герой, в еще большей степени автобиографический – Александр Александрович Корнетов, главный герой рассказов «Глаголица» (1912), «Оказион» (1913) и мемуарной книги «Учитель музыки» – моя бытовая автобиография» [9: 4].

Корнетов носит многозначительную «офицерскую» фамилию и так же, как и Маракулин, владеет каллиграфическим искусством:

«Не “ученый”, нет у Корнетова ни ученых трудов, ни орленого золотого значка Археологического Института, но и без всяких отличий, как ловко, как бережно, затейливо выводит он крючки и ставит крестики, в пору тому же ученому и книжному справщику» [9: 8].

Что касается мотива разбойника, то в «Учителе музыки» он сохранился лишь в названии главы «Воровской самоучитель»: так Корнетов называет тетрадь, в которую «записывает он не какие-либо выдающиеся события общественной жизни, регистрируемые газетами, а всякую мелочь из нашей “живой” подъяремной жизни» [9: 286]. И в еще более редуцированном виде – в подзаголовке всей книги: «Каторжная идиллия».

⁷ См.: «Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию <...>» [10: 154].

Литература

1. М. А. Бекетова, Александр Блок и его мать: Воспоминания и заметки. Л.; М., 1925.
2. М. А. Бекетова, «Александр Блок и его мать», Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 39–69.
3. А. Грачева, «Революционер А. Ремизов: Миф и реальность», Лица: Биографический альманах. 3. СПб., 1993. С. 419–437.
4. С. Н. Доценко, «Почему Маракулин хотел стать разбойником: (Из комментария к повести А. Ремизова “Крестовые сестры”», Блоковский сборник XIV. Tartu, 1998. С. 144–159.
5. «История кавалергардов 1851», История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года История кавалергардов и Кавалергардского её величества полка с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851.
6. Ю. Лотман, Б. Успенский Б. «“Изгой” и “изгойничество” как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода: (“Свое” и “чужое” в истории русской культуры)», Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1982. Вып. 576. С. 110–121.
7. А. Ремизов, Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000.
8. А. Ремизов, Собрание сочинений. Т. 4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001.
9. А. Ремизов, Собрание сочинений. Т. 9. Учитель музыки: Катержная идиллия. М.: Русская книга, 2002.
10. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 6.
11. В. Топоров, «О “Крестовых сестрах” А. М. Ремизова: Поэзия и правда (Статья первая)», Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1989. Вып. 857. С. 138–158.

Alekseja Remizova grāmatas “Mūzikas skolotājs” personāža vārda literārā ģenēze

Rakstā aplūkota Alekseja Remizova grāmatas “Mūzikas skolotājs. Katorgas idille” galvenā varoņa Korņetova vārda autobiogrāfiskā un literārā ģenēze. Autors secina, ka vārds *Korņetovs* ir Remizova bērnības sapņu refleksija, jo rakstnieks ir vēlējis kļūt par kavalergardu. Vienlaikus kavalergarda tēls kļūst par literārās paradigmas *kavalergards – skolotājs – laupītājs* elementu.

Literary Genesis of the Name of the Character of A. Remizov’s “The Music Teacher”

The article deals with the autobiographical and literary genesis of the name of “Korņetov”, the main character of A. Remizov’s book “The Music Teacher. Prison idyll”. The author concludes that the name “Korņetov” is a reflection of Remizov’s childhood dream of becoming a Chevalier Guard. At the same time, the image of the Chevalier Guard becomes an element of the literary paradigm “Chevalier Guard – teacher – robber”.